

DOI: 10.31857/S013038640025183-9

© 2023 г. **О.Ф. КУДРЯВЦЕВ**

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ НА ВОСТОКЕ ЕВРОПЫ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА САМОСОЗНАНИЕ РЕНЕССАНСНОЙ ЭПОХИ

Кудрявцев Олег Федорович — профессор кафедры истории Средних веков исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; профессор кафедры всемирной и отечественной истории факультета международных отношений МГИМО (Университета) МИД России (Москва, Россия).

E-mail: demetr22@mail.ru

Scopus Author ID: 57802759000; Researcher ID: C-4742-2014

Аннотация. В статье рассматриваются известия европейских космографов первой четверти XVI в. об открытых в то время землях Восточной Европы. В космографическом труде польского автора Матвея Меховского, опиравшегося на наблюдения своих предшественников — Юлия Помпония Лета, Пия II, а также каталонских, генуэзских, венецианских картографов XIV—XV вв., была отвергнута или уточнена значительная часть данных о важнейших географических объектах Восточной Европы, содержавшихся в трудах античных ученых. В частности, было доказано отсутствие Рифейских и Гиперборейских гор, о наличии которых сообщали виднейшие ученые древности, а вслед за ними авторы Средних веков и раннего Возрождения, скорректированы их известия об истоках крупнейших рек региона, о народах и племенах, его населявших. За короткое время, прошедшее после первой публикации книги Матвея Меховского, высказанный им взгляд на географию Восточной Европы стал преобладающим, если не общепринятым. Его положительное и даже восторженное восприятие мы находим в близких по времени сочинениях о Московии европейских авторов Альберта Кампенского, Павла Йовия, Ульриха фон Гуттена. Однако, как подчеркивается в статье, все эти новые данные о географии и этнографии Восточной Европы, добытые гуманистами-космографами ренессансной поры, следует рассматривать не только как частное выражение общих процессов переоценки ценностей, прежде всего античного научного наследия, но и как важный шаг в становлении самосознания ренессансной эпохи, проявившийся в утверждении ее интеллектуального превосходства над античностью.

Ключевые слова: географические представления, география, Возрождение, гуманизм, гуманисты, космография, Матвей Меховский, Альберт Кампенский, Павел Йовий, Восточная Европа, Московское государство, Польша.

O.F. Kudryavtsev

The Geographical Discoveries in the East of Europe and Their Influence on the Self-Consciousness of the Renaissance Culture

Oleg Kudryavtsev, Moscow State Lomonosov University; Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University) of Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow, Russia).

E-mail: demetr22@mail.ru

Scopus Author ID: 57802759000; Researcher ID: C-4742-2014

Abstract. In this article the author examines the news of European cosmographers of the first quarter of the sixteenth century about the lands of Eastern Europe discovered at that time. In the cosmographic work of the Polish author Mathias de Miechow, who relied on the observations of his predecessors — Julius Pomponius Laetus, Pius II, as well as Catalan, Genoese, Venetian cartographers of the fourteenth and fifteenth centuries — a significant part of the data about the most important geographical objects in Eastern Europe, contained in the works of ancient scholars, was rejected or clarified. In the short time since the first publication of Mathias de Miechow's book, the view he expressed on the geography of Eastern Europe had become predominant, if not universally accepted. Its positive and even enthusiastic perception is to be found in the closely related works on Muscovy by European authors such as Albertus Campensis, Paolo Giovio, Ulrich von Gutten. In particular, these authors confirmed the non-existence of the so-called Riphean and Hyperborean Mountains, the existence of which had been reported by the most eminent scholars of antiquity; they had also reinterpreted reports of their predecessors about the sources of the great rivers of this region, about peoples and tribes which inhabited it. However, as the author emphasises, these new data about geography and ethnography of Eastern Europe, obtained by humanists-cosmographers should be considered not only as a kind of manifestation of the general processes of global reappraisal of classical inheritance but as an important step in the development of Renaissance self-consciousness revealed in the affirmation of intellectual superiority of Modern epoch in comparison with Antiquity.

Keywords: geographical notions, geography, Renaissance, humanism, humanists, cosmography, Mathias de Miechow, Albertus Campensis, Paolo Giovio, Muscovy, Poland.

Матвей Меховский в посвящении своего «Трактата о двух Сарматиях, Азиатской и Европейской и находящемся в них» (1-е изд. — 1517 г., Краков) епископу Ольмюцкому Станиславу Турсону примечательным образом объясняет его предназначение: «Южные края и приморские народы вплоть до Индии открыты королем Португалии. Пусть же и северные края с народами, живущими у северного океана к востоку, открытые войсками короля польского, станут известны миру»¹. Обратим внимание на то, что польский космограф претендует на роль если не первооткрывателя, то уж точно первоописателя неизвестных доселе, по его утверждению, земель на востоке и севере Европы и пограничной с ней Азии. Но важнее другое: он приравнивает эти открытия новых земель к тем, которые осуществляли европейские (у него — португальские) мореходы в поисках пути в Индии.

Он обещает рассказать о том, что есть в Сарматиях, которые были мало знакомы древним. Таким образом, с самого начала обозначено, что описание Сарматий будет сопровождаться корректировкой тех знаний, которыми располагала в их отношении античная наука. В частности, он выступает против широко распространенного убеждения, будто в северных областях Сарматий «находятся известнейшие в мире горы Аланские, Рифейские и Гиперборейские, а из них вытекают не менее славные реки, описанные и воспетые [древними] космографами и поэтами: Танаис, Борисфен Большой и Малый и величайшая из рек Волга. Все это далеко от истины, — продолжает Матвей Меховский, — и нелишним будет, основываясь на опыте... опровергнуть и отвергнуть это, как невежественное и непроверенное сообщение». Ибо, резюмирует автор, «мы точнее точного знаем и видим... что вышесказанные реки возникли и имеют истоки на равнине»². Таким образом, знание древних в нашем случае — о географии Восточной Европы — отвергается и поносится как ненадежное и просто недостоверное, более того, в вызывающе резкой форме объявляется «старой выдумкой греков» (*figmento olim Graecorum*)³.

¹ *Mathias de Miechow.* Tractatus de duabus Sarmatiis, Asiana et Europiana, et de contentis in eis // Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях / введение, перевод и комментарии С.А. Аннинского. М.: Л., 1936. С. 46, 128.

² Там же.

³ Там же. С. 110, 186.

Важно подчеркнуть, что Меховский был не единственным и даже не первым из писавших о космографии Восточной Европы ренессансных авторов, кто обрушился на древних, доказывая полную несостоятельность их географических знаний.

В середине 80-х годов XV в., задолго до того, как приступить к наделавшему много шума в ученом мире «Трактату о двух Сарматиях», Меховский продолжал свое образование в Риме, где в то время читал лекции, посвященные комментированию античных классиков, прославленный гуманист Юлий Помпоний Лет, незадолго перед тем, в 1479–1480 гг., совершивший свой «скифский вояж», или путешествие по Юго-Западной Руси.

В описании Восточной Европы Помпоний Лет демонстрирует хорошее знание античной географии. Он то и дело ссылается на древних писателей, однако далеко не всегда для того, чтобы их авторитетом подтвердить свою информацию, ибо часто их слова он опровергает или корректирует собственными данными. О безусловном и беспрекословном, а тем более восторженном восприятии всего, что создано древними, у этого гуманиста, сделавшего больше многих других в области изучения и комментирования античных классиков и разработки римской археологии, нет и намека. Вот его безапелляционный приговор далеким предшественникам, сообщавшим о скифской зиме: «В описании Скифии Плиний и Птолемей весьма лживы (*mendacissimi*), особенно Птолемей». «Никто не пишет о Скифии точнее Геродота, который утверждает, что воздух там полон перьями, то есть почти всегда — снежинками»⁴, — сказано в лекциях по Валерию Флакку. Однако, как оказывается, и Геродот ненадежен, ибо, как заметил Помпоний Лет в лекциях по Вергилию, греческий историк заблуждался, утверждая, будто река Гипанис (Южный Буг) доходит до Черного моря, тогда как она, по убеждению гуманиста, впрочем, неверному, впадает в Борисфен (Днепр)⁵.

Не менее критически он оценивает информацию своего любимого римского поэта Вергилия. Тот ошибается, когда говорит о колесах зимних скифских повозок, каковые колес не имеют, ибо, будучи обиты железом, они не могли бы передвигаться зимой; такая повозка зовется «сани» и пригодна для езды по льду без колес⁶. Неправда, будто вино там зимой замерзает: в этом Вергилий преувеличивает. Неправда и то, что скот погибает на морозе: его держат в стойлах взаперти. Помпоний Лет нашел немало и других неточностей у Вергилия. Впрочем, в одном случае Вергилий все-таки прав, замечая, что зимой скифы облачаются в меха⁷.

Опираясь на собственный опыт, Помпоний Лет отвергает авторитет Аристотеля и Плиния как знатоков животного мира. Вопреки их мнению, гуманист утверждает, что *castor* и *fiber* — это не один и тот же бобр, но совершенно разные животные по размерам и внешнему облику, и поэтому категорически не согласен с Плинием, настаивавшим на их тождестве, а равно и с Аристотелем⁸. Не полностью надежен и Цезарь, предупреждает гуманист; в лекциях по Валерию Флакку, сообщая об угрох, он замечает: «В летнее время около солнцестояния и сразу после него у них (угров. — *О.К.*) постоянный день; то же, о чем пишет Цезарь, истинно лишь отчасти, ибо, сам не наблюдая, он считает, что около зимнего солнцестояния у них постоянная ночь»⁹.

Есть у Помпония Лета и неакцентированная полемика с древними по восточноевропейским географическим реалиям, которая позже, во втором десятилетии XVI в., по инициативе Матвея Меховского возобновится уже другим поколением гуманистов. Почему ей не придал остроты Помпоний Лет, нимало не смущавшийся, где считал нужным, поправлять или опровергать положения античной космографии, сказать невозможно.

⁴ Забугин В. Юлий Помпоний Лэт. Критическое исследование. СПб., 1914. С. 83, 196. См. также: Геродот. История. IV. 7.

⁵ Забугин В. Указ. соч. С. 81, 82, 211.

⁶ Там же. С. 84, 210.

⁷ Там же. См. также: Вергилий. Георгики. III. 383–385.

⁸ Забугин В. Указ. соч. С. 93, 94, 203, 204.

⁹ Там же. С. 196. См.: Цезарь. Записки о галльской войне. V. 13. 3.

Дважды, в лекциях по Валерию Флакку и по Вергилию, он говорил, что Танаис (Дон) «начинается из болота» (*Tanais oritur ex palude*), равно как и Борисфен (Днепр)¹⁰. А это значит, что древние авторы — Аристотель, Лукан, Плиний Старший, Помпоний Мела, Солин, Птолемей, — а также следовавшие за ними ренессансные землеописатели, как, в частности, Филиппо Буонаккорси (известный под гуманистическим псевдонимом Каллимах Римский, или Эспериенте), участник, кстати заметить, академических собраний Помпония Лета, ошибались, указывая на некие Рифейские горы, расположенные «за крайней Скифией», как на место, откуда берут начало великие реки Восточной Европы¹¹.

Впрочем, на этот счет в сходном с Помпонием Летом духе несколько раньше его, еще в 50-х годах XV в., сообщал, опираясь на показания очевидца, в своей «Космографии» Пий II. Ее содержание наверняка было хорошо известно главе Римской академии Помпонию Лету. Истоки Танаиса, полагает Птолемей, «берут начало в Рифейских горах, которые гораздо южнее Гиперборейских», — сказано в «Космографии» Пия II. И далее: «Мы слышали, как некий человек родом из Вероны, через Польшу и Литву достигший истоков Танаиса и исследовавший весь север этого Варварского мира (*et omnem illam Barbariae borealem perscrutatum*), утверждал, что болото, из которого рождается Танаис, не особенно большой величины (*non admodum magnam*)»¹². Эти же известия о происхождении Танаиса Помпоний Лет, по-видимому, мог узнать от своих флорентийских знакомых. В комментариях к Вергилию (1487) Кристофоро Ландино, гуманист и участник флорентийской Платоновской академии, рассказывал, что в его время он видел во Флоренции людей, живущих у истоков Танаиса; и в его присутствии «врач Павел тщательно их обо всем расспрашивал»¹³.

Скорее всего подобный опрос свидетелей и личные наблюдения Помпония Лета больше всего повлияли на содержание рассказанного им о Восточной Европе. Этногеографическое описание гуманистом Восточной Европы, или, по его определению, «Скифии», сделанное в лекциях 80–90-х годов XV в., дает ряд убедительных примеров острокритического восприятия информации древних авторов и предпочтения ей данных, полученных из опыта — личного или людей, достойных доверия. Выкладки античных космографов отвергаются резко и порой задиристо; чего стоит обвинение Плиния и Птолемея в лживости, означающее их полную дискредитацию в качестве ученых. Но верно и то, что Помпоний Лет не порывает с античной наукой и пытается дать жизнь восприятию новой действительности в выработанных той представлениях. В частности, для него еще актуальны такие понятия, среди прочих, как Скифия и скифы, он стремится с их помощью осмыслить этногеографические реалии Восточной Европы его времени, объемля общим именем скифов самые разные народы от Причерноморья до Крайнего Севера, совершенно различные по образу жизни — оседлые и кочевые, — происхождению, языку и культуре. Даже выдуманные древними географами Рифейские горы, которые потеряли всякий смысл, когда он показал, что не в них берут свои истоки великие реки Восточной Европы, Помпоний Лет тем не менее сохранил, найдя им место на востоке региона и фактически отождествив с Уральским хребтом, вытянутым в совершенно ином направлении.

Похоже, историк В.Н. Забугин слишком категоричен, полагая, что память о «скифской поездке» Помпония Лета «не выходила из тесного круга учеников-академиков», т.е.

¹⁰ Забугин В. Указ. соч. С. 199, 209.

¹¹ См. подробнее материал на эту тему в комментариях С.А. Аннинского к изд.: *Матвей Меховский*. Трактат о двух Сарматиях С. 203–205. Прим. 5. А равно — комментарии О.Ф. Кудрявцева к изд.: *Альберт Кампенский*. О Московии // Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы / сост. О.Ф. Кудрявцев. М., 1997. С. 127, 128. См. также соответствующее место в «Истории» Каллимаха Эспериенте (80-е годы XV в.): *Callimachus Experiens Ph. Historia rerum gestarum* // *Monumenta Poloniae historica*. Т. VI. Kraków, 1898. Р. 21.

¹² *Pius II. Cosmographiae vel de mundo universo historiarum lib. I. Cap. XXIV* // *Pius II. Opera omnia*. Basileae, 1571. Р. 303.

¹³ Забугин В. Указ. соч. С. 213, 214.

участников его римского ученого товарищества. Действительно, о лекциях и заметках гуманиста, содержащих сведения о ней, не знали многие из тех, кто вслед за ним сообщал о Руси Западу — от Альберта Кампенского до Герберштейна¹⁴. Ведь только комментарии Помпония Лета к Вергилию вышли из печати в Брешии в 1487 и 1490 гг.¹⁵, толкования же к другим древним авторам так и остались пылиться в архивах, пока В.Н. Забугин не извлек отрывки из них на свет. И тем не менее не стоит недооценивать возможное влияние сообщений Помпония Лета на повышение осведомленности латинского Запада о восточных землях Европы, «Скифии». Данные о ней, сообщаемые гуманистом по всяким поводам в университетских лекциях, записывались многими его слушателями, среди которых вполне мог быть и Матвей Меховский, и потом, что нередко случалось, передавались самым разным лицам или ученым кружкам устно или посредством конспектов, сохранявшихся, как правило, из поколения в поколение. И небезосновательно будет предположить, что существует преемственность между заметками Помпония Лета о водоемах и горах Восточной Европы, в частности, об истоках рек, текущих в Черное море, и о расположении так называемых Рифейских гор, с одной стороны, и тем решительным пересмотром физической географии этого региона, который начался с сочинения Матвея Меховского в конце первой четверти XVI в., — с другой.

Возникает, правда, законный вопрос, почему польский автор не называет своих предшественников, которые еще в XV в. в сущности предвосхитили его открытие, равно как и предопределили его отношение к античному наследию в этом вопросе. Вполне возможно и скорее всего главную роль сыграло желание Матвея Меховского закрепить за собой приоритет; и сделать это было тем более легко, что в первые десятилетия XVI в. наблюдения Помпония Лета о географии и природе Восточной Европы, так и неопубликованные, были известны немногим. Не упоминать же о Пие II, замечание которого об истоках Дона неоднократно публиковалось в составе его «Космографии», имелись другие основания. Для Матвея Меховского и всего польского ученого мира этот папа был в полном смысле слова *persona non grata*, ибо он, по словам Матвея Меховского (II. I. 2), «много ложного написал о Литве и Польше», а заодно и о правившем в них семействе¹⁶.

За короткое время после первой публикации книги Матвея Меховского высказанный им взгляд на географию Восточной Европы стал преобладающим, если не общепринятым. Его положительное и даже восторженное восприятие мы находим в близких по времени сочинениях о Московии европейских авторов. Одним из наиболее горячих приверженцев Матвея Меховского был Альберт Кампенский, голландский богослов и полемист, находившийся в тот момент при папском дворе в Риме, что подтверждается написанным им между 1523 и 1525 гг. (изданном, правда, только в 1543 г.) трактате «О Московии». «Вся страна москов (московитов. — О.К.) весьма равнинна и лесиста, — сказано в трактате, — и орошается повсюду множеством больших рек». Описав течение наиболее крупных из них — Днепра, (Западной) Двины, Дона и Волги, — Альберт Кампенский далее делает выпад против античной географии, в очень резких выражениях обвиняя ее в бессовестной лжи: «Все эти реки рождаются в местах равнинных, болотистых и лесистых, — суммирует он свои наблюдения, — не в тех легендарных Рифейских и Гиперборейских горах, которые произвела на свет лживая Греция (*mendax Graecia*), а не природа, нигде не виданных; ибо во всех владениях Московии не найти даже пригорка, разве что на берегах Северного, или Скифского, океана, где обитают югры, карелы, башкиры и черемисы». И далее он прямо противопоставляет новое опытное знание его времени географическим описаниям древних: «Вот почему не могу надивиться *бесстыдству наших географов* (*impudentiam Geographorum nostrorum*), без зазрения совести рассказывающих невероятные вещи о Рифейских и Гиперборейских горах, в которых, по

¹⁴ Забугин В. Указ. соч. С. 70.

¹⁵ См. комментарий С.А. Аннинского в изд.: Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях. С. 232. Прим. 109.

¹⁶ *Mathias de Miechow*. Op. cit. С. 105, 182. См. также комментарии С.А. Аннинского: Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях. С. 247, 248. Примеч. 168.

их уверению, берут начало вышеназванные реки. Мы не найдем также более ничего истинного почти во всем том, что наиболее авторитетные из них сообщали о двух Сарматиях и обо всей этой северной стороне нашего мира, если их описания сопоставить (что мы пытались сделать) с [сообщениями] о путешествиях людей *нашего времени*» (курсив наш. — О.К.)¹⁷. К путешественникам он, обманутый некоторыми двусмысленными заявлениями Матвея Меховского, мог отнести этого описателя Восточной Европы, хотя, как уже говорилось, польский автор в ней лично не бывал.

Другим сторонником и популяризатором сочинений Матвея Меховского тогда же выступил авторитетнейший итальянский гуманист Павел Йовий. В своем посвященном Московии труде «О посольстве Василия, великого князя Московского, к папе Клименту VII», созданном и опубликованном в 1525 г. в Риме, он последовательно доказывал, что великие реки Восточной Европы берут начало в огромных болотах, которые «имеют в достаточной степени неиссякаемый источник влаги», а не в каких-то больших горных массивах. Уже в развернутом заглавии своей работы Павел Йовий, желая подчеркнуть ее научную актуальность, привлекает внимание образованного читателя обещанием указать «заблуждение (error) Страбона, Птолемея и других, писавших о географии, там, где они упоминают про Рифейские горы, которые, как положительно известно, в настоящее время нигде не существуют»¹⁸. Ссылаясь в тексте сочинения на данные путешественников (впрочем, не названных), он замечает, что «большинство из занимающихся древней космографией (в его время. — О.К.) признает совершенно баснословными Рифейские и Гиперборейские горы, столько раз прославляемые древними»¹⁹. А ведь именно их ученые античности, начиная с Аристотеля, считали местом рождения указанных рек. Впрочем, Павел Йовий допускает, что Гиперборейскими могли слыть в древности горы, за которыми жили северные народности югры и вогулы²⁰, иными словами Уральские горы. Проблема, однако, в том, что они вытянуты с севера на юг, тогда как Рифейские и Гиперборейские хребты должны были бы большей частью простирались с запада на восток и находиться гораздо западнее реальных Уральских гор, дабы в них могли иметь истоки великие реки Восточной Европы.

* * *

Все эти споры с древними авторами в области космографии, сколь важными ни были бы сами по себе, являются лишь частными выражениями общих процессов как переоценки ценностей, среди прочего — значения античного научного наследия, так и утверждения мыслителями Ренессанса собственного интеллектуального превосходства в сравнении с древностью. В шаге от его признания остановился Марсилий Фичино в знаменитом послании к Павлу Мидделбургскому о золотом веке (1492): перечислив возрожденные науки и искусства, процветавшие в древности, он к ним в качестве признаков золотого века добавил недавно изобретенное книгопечатание и новые достижения в области астрономии, что с несомненностью свидетельствовало о превосходстве культуры его времени²¹; однако это само собой напрашивающееся заключение Фичино не вывел. Другое дело — современные ему космографы. С их стороны мы видим — и нередко — резкие, доходящие до прямых оскорблений выпады в адрес своих античных предшественников. Подобные настроения, свидетельствующие о необыкновенно возросшем самосознании ренессансной культуры на зрелом этапе ее развития, не только вырабатывались как кумулятивный результат новых открытий и свершений, но и в свою очередь

¹⁷ *Campensis A. De Moscovia* // Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. С. 83, 105.

¹⁸ *Iovius P. Libellus de legatione Basilii magni Principis Moscoviae ad Clementem VII Pontificem Maximum* // Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. С. 227, 255.

¹⁹ *Ibid.* С. 241–243, 273.

²⁰ *Ibid.* С. 239, 270.

²¹ См.: Кудрявцев О.Ф. Флорентийская Платоновская Академия. Очерк истории духовной жизни ренессансной Италии. М., 2008. С. 352–356.

их предвосхищали и стимулировали. За несколько лет до знаменитой публикации Матвея Меховского, в 1512 г., Джованни-Франческо Пико делла Мирандола, племянник прославленного Джованни Пико и очень влиятельный мыслитель, скажет в послании к Пьетро Бембо: «Дарования скорее умножаются... чем убывают; ведь многое, что относится к познанию вещей и что не ведала *ученая древность*, стало известно в наш век и в те [века], которые ему предшествовали» (курсив мой. — О.К.)²². В качестве одной из иллюстраций этой мысли будут рассматриваться и географические «открытия» в Восточной Европе Матвея Меховского, вдохновившись которыми в числе прочего Ульрих фон Гуттен восклицал, обращаясь к Пиркгеймеру: «О век! О ученость! Радостно жить, а не коснеть в бездействии, Виллибальд! Да здравствуют науки, да процветают дарования. Ты же, варварство, задержи свои цепи и убирайся прочь!»²³.

Библиография / References

- Забугин В. Юлий Помпоний Лэт. Критическое исследование. СПб., 1914.
- Кудрявцев О.Ф. Флорентийская Платоновская Академия. Очерк истории духовной жизни ренессансной Италии. М., 2008.
- Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы / сост. О.Ф. Кудрявцев. М., 1997.
- Kudryavtsev O.F. Florentiyskaya Platonovskaya Akademia. Ocherk istorii dukhovnoy zhisni renessansnoy Italii [Platonic Academy of Florence. The essay on the history the spiritual life of Italy in the Renaissance]. Moskva, 2008. (In Russ.)
- Rossia v pervoy polovine XVI v.: vsglyad iz Evropy [Russia during the first half of the 16th century: the view from Europe] / sost. O.F. Kudryavtsev. Moskva, 1997. S. 63–134. (In Russ.)
- Zabughin V. Yuliy Pomponiy Let. Kriticheskoe issledovanie [Julius Pomponius Laetus. The Critical Essay]. Sankt-Peterburg, 1914. (In Russ.)
- Callimachus Experiens Ph. Historia rerum gestarum // Monumenta Poloniae historica. Kraków, 1898. T. VI.
- Iovius P. Libellus de legatione Basilii magni Principis Moscoviae ad Clementem VII Pontificem Maximum // Rossia v pervoy polovine XVI v.: vsglyad iz Evropy / sost. O.F. Kudryavtsev. Moskva, 1997. S. 227–289. (In Lat. and Russ.)
- Le epistole “De imitatione” di Giovanfrancesco Pico della Mirandola e di Pietro Bembo / A cura di G. Santangelo. Firenze, 1954.
- Mathias de Miechow. Tractatus de duabus Sarmatiis, Asiana et Europiana, et de contentis in eis // Matvey Mehovskiy. Traktat o dvuh Sarmatiyah [A Treatise on the Two Sarmatias] / vved., per. i komm. S.A. Anninskogo. Moskva; Leningrad, 1936. (In Lat. and Russ.)
- Pius II. Cosmographiae vel de mundo universo historiarum lib. I // Pius II. Opera omnia. Basileae, 1571. P. 281–386.
- Ulrichus de Hutten. Epistola ad Bilibaldum Pirkheimer // Opera omnia / ed. E.J.H. Münch. Berolini, 1822. T. 3. P. 70–100.

²² Crescunt (ut mia fert opinio) verius quam decrescant ingenia. Multa enim quae ad rerum spectant notitiam, et nostrum saeculum, et huic proxima novere, quae docta illa ignoravit antiquitas (Le epistole “De imitatione” di Giovanfrancesco Pico della Mirandola e di Pietro Bembo / a cura di G. Santangelo. Firenze, 1954. P. 31).

²³ O Saeculum! o literae! juvat vivere; etsi quiescere nondum juvat, Bilibalde! vigent studia, florent ingenia. Heu tu, accipe laqueum barbaries, exilium prospice! (Ulrichus de Hutten. Epistola ad Bilibaldum Pirkheimer // Opera omnia / ed. E.J.H. Münch. Berolini, 1822. T. 3. P. 99, 100).